

© 2010 г. Т.В. Константинова

МОДУСЫ НИГИЛИЗМА В КУЛЬТУРЕ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Исследуется нигилистическое отрицание различных модусов времени. Показывается, что нигилистическое отношение к прошлому не сводится к простому отказу от него или к отрицанию традиций, прослеживается латентное нигилистическое отношение к настоящему и будущему.

Ключевые слова: темпоральный нигилизм, модусы времени, отрицание.

В ситуациях культурного перехода, когда маргинальность и беспочвенность из латентного существования переходят в явную и агрессивную форму существования, нигилистические умонастроения становятся наиболее востребованными. Нигилизм проявляет себя разнообразно: и как теоретически оформленная позиция, и как безотчетная душевная склонность, и как практика отрицания, форма социального поведения. Нигилизм может существовать на индивидуально-личностном и на групповом уровнях. Во втором случае, когда нигилизм разделяется группой людей, он обретает возможность быть санкционированным, легитимизированным культурой (или субкультурой). Нигилизм как идея и как социальное поведение не изолированы друг от друга: они взаимосвязаны. Возникнув однажды, нигилизм имеет тенденцию к распространению своего влияния, расширяя свое действие не только в отдельных сферах жизни общества, но «заражая» собой все новые поколения людей. В этой связи важно проследить, какие латентные формы нигилизма существуют в культуре современного общества. В отечественной литературе уже неоднократно проводился анализ значения термина «нигилизм» и как элемента определенной структуры контекстов, и как элемента определенной системы идей [1]. Отметим, что в разнообразных определениях нигилизма центральным инструментальным термином к его раскрытию является понятие «отрицание». Однако следует согласиться с Л.И. Мосиенко, что не всякое отрицание есть нигилизм [2]. А.И. Новиков, систематизируя признаки понятия «нигилизм», начинает именно с отрицания и даже считает, что «призна-

ком нигилизма является не объект отрицания (который может быть определителем конкретных его форм), а степень отрицания, его категоричность и всеобщность» [1, с. 16]. Л.И. Мосиенко же акцентирует внимание на том, что именно отрицается: ценность, норма, традиция. «Именно фундаментальный характер (как для отдельного человека, так и для культуры в целом) этих феноменов задает напряженность, всеобщность и эмоциональную окрашенность отрицания: нигилист восстает против того, что составляет духовную основу его собственного существования как человека культурного... Нигилистическое отрицание для отдельной личности сопряжено с самопреодолением, нередко – с раздвоенностью, в любом случае – с пафосом напряженной и почти непосильной борьбы» [2, с. 22]. Итак, нигилизм существует прежде всего как отрицание, и это отрицание может быть направлено на разные объекты: на мир в целом, на его составные части (например, на ценности), на субъекта (самоуничтожение и самоничтожение). Но есть еще одна форма нигилизма в культуре – это отрицание того или иного модуса времени. Данную форму нигилизма мы называем темпоральным нигилизмом. Темпоральный нигилизм становится возможен при условии дифференцированной расчлененности потока времени, однако при этом он осуществляет отрицание одного из модусов времени, прежде всего, прошлого.

Само существование времени применительно к человеческому существованию было открыто сравнительно недавно: вплоть до эпохи Просвещения природа человека рассматривалась как нечто неизменное и одинаковое. Соответственно, и прошлое – его обстоятельства, события, мотивы действующих в нем людей полагались постоянными на всем протяжении мирового времени. Само же прошлое постоянно воспроизводилось, поскольку жизнь строилась и ориентировалась на его образцы. Прошлым прежде всего гордились, его почитали, мечтали о возвращении лучших, но уже утраченных времен. Ностальгия по «золотому веку» и «веку героев» пронизывало значительную часть человеческой истории. Однако новоевропейское общество изменило свое отношение ко времени, в том числе и к прошлому. Стремительность происходящих в обществе перемен отдалила от нас прошлое, пришло осознание того, что люди других эпох жили и мыслили иначе. Да и сам облик прошлого постоянно меняется: оно рисуется и видится каждый раз иным. Причин тому множество: и открытие новых фактов, и фальсификация данных, и

переинтерпретация уже известного, и частные интересы исследователей и т.д. Однако мы по-прежнему идеализируем прошлое, приписывая ему власть над нашим настоящим. Две крайности – полный отказ от прошлого и идеализация его – представляют собой опасности, поскольку разрывают, искажают действительные связи между прошлым и настоящим. Рассмотрим, как это происходит. Нигилистическое отношение к прошлому предполагает его отрицание, отрицание традиций, а также низкую оценку его возможностей по реализации целей человеческой жизни. Так, Д.Лоуэнталь, рассматривая различные варианты отношения к прошлому, пишет: «Прошлое не только помогает и просвещает, оно также угрожает нам и принижает нас. Большинство его преимуществ включают в себя недостатки, большинство из его посулов таят в себе риск» [3, с. 122]. Вопреки устоявшемуся мнению, Д.Лоуэнталь отмечает, что прошлого боятся в такой же степени, в какой и почитают. Многие из теорий, обращавшихся к исследованию прошлого, видели в нем угрожающие настоящему тенденции и пороки, приписывали ему роковой характер. Так, в романе «Палач» Д.Ф. Купера описываются ужасные последствия наследия, от которого невозможно отказаться: наследственная должность палача в одном из швейцарских кантонов, первоначально считавшаяся привилегией, становится для его современных потомков непереносимым пятном позора. Они не могут ни унаследовать ее, ни передать кому-то другому, избежав при этом позора.

Губительное воздействие на настоящее может оказывать не только порочное или несчастное прошлое, оно может быть великим и уже тем самым подавлять ростки нового настоящего. Прошлое живет не только в материально-вещественных артефактах, оно живет, прежде всего, в памяти людей. Но если прошлое было тяжелым, люди стремятся стереть его следы. Так, Ф.Ницше отмечал, что память нужно укоротить или вовсе изгладить, иначе прошлое станет могильщиком настоящего. «Ни один художник никогда не напишет своей картины, ни один полководец не одержит победы, ни один народ не завоеует свободы без того, чтобы не забыть прошлое» [4, с. 165]. История человечества знает немало примеров уничтожения прошлого. В период войн разрушались захваченные города (Карфаген, к примеру, дважды сравнивали с землей), в периоды революций разрушались символы прежних политических режимов, в периоды реформ в первую очередь трансформируется то, что вы-

полняет функцию хранения коллективной памяти. Таким артефактом, например, является календарь. Л.А.Штомпель показала, что изменение календаря есть переориентация сознания, выпадение из времени культуры, переключение культурного кода, введение сознания в иную систему ценностей [5]. Так, в середине XIV в. до н. э. знаменитый фараон-реформатор Эхнатон, насильственно проводя монотеистическую религиозную реформу, сделал попытку изменить литургический календарь Египта. После смерти этого владыки, который процарствовал семнадцать лет, имя его было предано анафеме и стерто почти со всех каменных изваяний Египта. Вторая попытка реформировать древнеегипетский календарь была предпринята уже Птолемеем III Эвергетом в 238 г. до н.э. Эта реформа должна была на два века опередить знаменитую реформу Юлия Цезаря, однако и она не имела успеха, так как сила традиции была еще достаточно велика. В 167 г. до н.э. правитель Сирии Антиох IV Эпифан, начав гонения на евреев, разграбил Иерусалимский храм и запретил традиционный ветхозаветный календарь. Эти акции вызвали известное восстание Маккавеев, с трудом подавленное преемниками Антиоха [6, с. 257]. Когда древние сакральные принципы перестали отвечать новым потребностям имперских начал «вечного города», Юлий Цезарь провел календарную реформу (46 г. до н.э.). Эта реформа, по замечанию О.Шпенглера, была «актом эмансипации от античного мироощущения». Как известно, Юлий Цезарь был убит спустя два года после ее проведения. Больше трех веков понадобилось для того, чтобы юлианский календарь обрел свой сакральный смысл. Объединенный с Александрийской пасхалией на Никейском соборе 325 г. н.э., он стал литургическим календарем всего христианского мира. В 1582 г. григорианская реформа разрушила последнее звено, еще связывающее западное и восточное христианство – единый календарь. Известна календарная реформа французской революции. Она упразднила эру от «Рождества Христова». Это была попытка радикального перепрограммирования коллективного сознания целой нации и полного разрыва с тысячелетней культурной традицией. Республиканский календарь просуществовал всего около четырнадцати лет (1793-1806) и был упразднен Наполеоном. Последним его рецидивом был календарь Парижской коммуны 1871 г.

Уничтожаются не только материальные артефакты, но и интеллектуальная элита. Особенно наглядно стирание следов прошлого проявляет себя при

переименовании улиц и городов при смене политических режимов. В случае победы антиколониальных сил такое переименование приветствуется: люди с удовольствием пользуются новыми названиями, потому что это позволяет поскорее избавиться от старого, стереть память о захватчике. Но нередки случаи, когда прошлое разрушается для того, чтобы дать дорогу новому: «Чтобы начать что-нибудь действительно новое, – отмечает М.Элиаде, – нужно полностью разрушить следы и руины прежнего цикла» [7, с. 51]. Средневековые цистерцианцы, пуритане Новой Англии XVII в., футуристы XX в., – все они считали, что для создания нового нужно придать миру формы, не имеющие ничего общего с историческими традициями. В других случаях в качестве альтернативного пути предпринимаются попытки разрушить собственные связи с прошлым. Д.Лоуэнталь приводит пример одного сельского жителя из племени йоруба, который опасался, что характер и судьба предков будут воспроизведены в его потомках, поэтому он попытался стереть несчастливую историю предка из коллективной памяти тем, что подделал свои данные в местном издании, чтобы озорная аномалия не повлияла на амбиции его потомков. Есть еще один способ «нейтрализации» прошлого: разрушение его потенциала посредством придания реликвиям новых функций. Выставление напоказ, «музеефикация» различных предметов не только вызывает интерес и утоляет наше любопытство, но позволяет изолировать их из настоящего, из современной жизни, позволяет не заботиться по поводу того, кем, как и для чего они использовались. Еще один способ нейтрализовать прошлое – сатира. Можно представить героев прошлого в смешном виде и тем лишить их значительности. Конечно, прошлому, как и любому другому времени, присущи как пороки, так и добродетели. Но это не значит, что обнаруживаемые в прошлом достоинства всегда должны оцениваться однозначно положительно – ведь эти достоинства могут превосходить добродетели настоящего времени. Прошлое представлено не только в его образах, но также и в традициях. Традиция в современном обществе рассматривается как тормоз прогресса, ибо она сдерживает движение вперед. Отсюда столь яростное отрицание традиций, наблюдаемое в современном обществе. Однако становится все более очевидно, что и традиция, и инновация должны сочетаться гармонически. Человек не может жить и действовать без привычного окружения, без привычных связей с запомнившимся и понятным прошлым. При

этом в современном обществе постоянно осуществляется трансформация унаследованного опыта. Без преемственности изменения невозможны. Точно так же и культурное наследие сочетает в себе и консервативные, и инновативные элементы. Ни одна нация или индивидуум не могут быть оригинальными во всем. Как заметил Вильгельм фон Гумбольдт, «коль скоро каждое поколение наследует определенный материал, доставшийся ему от предыдущих поколений», творческая деятельность никогда не бывает «чисто инновативной, но, скорее, представляет собой преобразование такого наследия» [8, с. 28]. История свидетельствует, что даже самые верные последователи традиций не могут избежать новаций: время разрушает любые первоначальные построения, трансформируются прежние значения и смыслы.

Существует еще один способ нигилистического отношения к прошлому: его ритуальное воспроизведение. Репродукция лишь внешних черт прошлого является демонстрацией его отживания. И напротив, высмеивая прошлое, вскрывая его непоследовательность и пародируя его риторику, можно обнаружить, насколько человек зависит от него. Даже Ницше вынужден был признать, что «так как мы непременно должны быть продуктами прежних поколений, то мы являемся в то же время продуктами и их заблуждений, страстей и ошибок и даже преступлений, и невозможно совершенно оторваться от этой цепи» [4, с. 178]. Те, кто отвергает авторитет прошлого, и те, кто страстно желает его возвращения, лишь на первый взгляд никак не связаны между собой. Один полюс составляют консерваторы, сохраняющие жесткую приверженность к прошлому. На другом полюсе – модернистские реформаторы, гневно обрушивающиеся на авторитеты, подавляющие их. Но зависимость от них не сброшена: она является скрытой. Они боятся прошлого или не понимают его. Проблема нигилистического отношения к прошлому проявляет себя и при отношении к сохранению культурного наследия, представленного в памятниках архитектуры. Охрана «окружения», т.е. городской среды, замечает К.Линч, – явление сравнительно новое. Средневековые строители просто сносили старое здание. Так, в описях Тюдоровского времени пометка «старое» означала малую ценность недвижимого (и движимого) имущества. «Сама идея сохранения впервые появилась в Западной Европе около 1500 г., приняв форму эзотеричного увлечения древними сооружениями, столь сильного, что оно приводило к возведению искусственных руин. К XVIII в. страсти к архитектуре прошлого превратилось в общеобязательную моду для

высших классов, а к XIX в. оно стало неременной частью интеллектуального багажа любого путешествующего из средних сословий. В том же столетии сначала в США и чуть позднее в Европе возникают организованные движения в защиту памятников истории для общественной пользы» [9, с. 142].

Архитектурные сооружения выполняют функцию сохранения и трансляции социальной памяти, поскольку или связаны с героями, творящими историю, или с событиями, поворотными пунктами в истории. В любом случае обращение к истории, овеществленной в архитектурных сооружениях, способствует достижению национального единства, особенно в периоды кризисов и раскола общества. Несколько позже к этим мотивам добавляются научные интересы археологов и коммерческие интересы туристических агентств. Любая стратегия сохранения исторического объекта (его реставрация, реконструкция, ревалоризация, консервация) есть функция тех социальных устремлений, которые характерны для данного общества в данный исторический момент, а также взглядов современников на историю, которые, впрочем, постоянно меняются. Очевидно, что сохранить прошлое целиком невозможно, ибо жизнь, разворачивающаяся в настоящий момент, постоянно оставляет новые предметные следы. Поэтому тактика и стратегия отношения с прошлым – это характеристика настоящего и залог будущего. Таким образом, нигилистическое отношение к прошлому выражается в полном отказе от него, в отрицании традиций, в низкой оценке его возможностей по реализации целей человеческой жизни. Идеализация же прошлого подавляет ростки настоящего и тем самым разрывает, искажает действительные связи между прошлым и будущим. Ритуальное воспроизведение прошлого или, напротив, доминирование антикварного отношения к нему являются симптомами отживания прошлого.

Нигилизм возможен не только по отношению к прошлому, но и к будущему, и к настоящему. Нигилистическое отношение к настоящему может проявляться латентным образом, посредством преувеличения значимости прошлого или будущего. Такое отношение мы наблюдаем у некоторых пожилых людей, выстраивающих свою текущую жизнь в мире вещей, символизирующих давно ушедшее время. Это могут быть фотографии, памятные вещи, старые дневники и фильмы, мебель, одежда, сувениры. Вещи, действительно, долговечнее людей, но вещи символизируют не только прошедшее время, а выражают его оценку как более

значительного и ценного. Нигилистическое отношение к настоящему проявляет себя в отказе от дифференциации времени, который мы находим в хилиазме. В хилиазме нет дифференциации времени. «Ибо подлинный, быть может, единственный, прямой признак хилиастического переживания есть абсолютное пребывание в настоящем, абсолютное присутствие» [10, с. 183]. Человек, согласно хилиастическим представлениям, всегда находится здесь и теперь внутри пространственной и временной сферы, но это не значит, что хилиазм выделяет настоящее и высоко оценивает возможности, которые несет в себе настоящее; с точки зрения хилиастического переживания это пребывание неподлинно. Для абсолютного переживания хилиаста настоящее становится брешью, через которую то, что было чисто внутренним чувством, прорывается наружу и внезапно одним ударом преобразует внешний мир. Хилиаст как бы только «теперь» вступил в мир и в свое тело. Он ждет единения с этим «теперь», «поэтому его повседневная жизнь не заполнена оптимистической надеждой на будущее и романтическими воспоминаниями, здесь речь идет об ожидании, о постоянной готовности, – время для него не дифференцируется. Его, собственно говоря, интересует не столько само тысячелетнее царство, сколько то, чтобы оно было здесь и теперь, возникло бы из земной жизни как внезапный переход в инобытие; поэтому предсказание будущего блаженства служит для него не отсрочкой, но нужно ему просто как некая потусторонняя точка, откуда он в любую минуту готов совершить прыжок» [10, с. 184]. Вероятно, именно благодаря своей постоянной готовности к лучшей жизни для всех людей, хилиазм послужил историческим и идейным корнем революций нового времени, поскольку революция стремится к полному и систематическому преобразованию всего существующего общественного порядка. С момента появления революций как новой формы политического преобразования мира, то есть с Нового времени, хилиазм всегда сочетается с революционными взрывами, одухотворяет их. Для каждого хилиастического учения революция – единственный животворный принцип непосредственного присутствия в мире, средство прорыва в мир.

Свою современную форму хилиазм обретает в радикальном анархизме. Общим между хилиазмом и радикальным анархизмом является отношение к настоящему как к чему-то несущественному. Анархизм не приемлет никакой современной социальной порядок. Так, анархиста Бакунина не интересовала дифференциация времени и настоящее время вообще, им владеет лишь страсть

к разрушению. Его заботило не то, будут ли реализованы теоретические измышления о наилучшем мире; он не верил даже в самые совершенные конституции и законы – ему нужны были бури и новый, лишенный законов и потому свободный мир. И тем не менее, обещание этого лучшего мира постоянно возникает. Оно возникает тогда, когда вечное ожидание начинает испытывать необходимость в уточнении временной перспективы, в выходе во время. Представление о лучшем мире, находящемся вне времени, вне потока становления, позволяет ждать грядущего как вторжение «потустороннего» в действительность. Не соединяясь с тем «дурным», что происходит здесь и теперь, он наблюдает лишь за неизбежным ходом событий и ждет того момента, когда сцепление обстоятельств приведет к совпадению его внутренней возбужденности с состоянием мира. Отрешенность от пространства и времени, от того, что правильно и значимо в чисто рациональном понимании, пассивное ожидание преобразующего момента – вот черты хилиастического и анархистского сознания, делающее его уязвимым в соревновании с более действенными социальными теориями, особенно с теми, которые учитывают фактор времени.

Наконец, нигилизм проявляется и по отношению к будущему. Отрицание будущего осуществляется прежде всего в виде сомнения в возможности его наступления. Различные эсхатологические и катастрофические образы также могут быть интерпретированы как нигилистическое отрицание будущего. При этом ценностным фоном формирования катастрофического сознания является не только понимание неизбежности грядущих бедствий, но и пессимизм. Одним из провозвестников катастрофического пессимизма в новоевропейской культуре был Артур Шопенгауэр, который, в противоположность Лейбницу, утверждал, что наш мир – худший из всех возможных миров, ибо он устроен таким образом, что его существование держится на «тончайшей нити». Один из важнейших культурных компонентов нигилистического сознания – пессимизм – возникает в результате экстраполяции нынешних трудностей и опасностей развития общества на будущее. В результате нигилистическое сознание может в значительной степени исказить реальную картину действительности, ограничивать возможность ее объективного понимания и препятствовать позитивно-конструктивным действиям человека. С другой стороны, табуированность нигилизма со стороны официальной идеологии в тоталитарных государствах, носящей принципиально оптимистический характер, так же может привести к нереалистической оценке

ситуации и полному разоружению общественного сознания перед внезапно разразившейся социальной катастрофой. Две крайности – казенный оптимизм и нигилистический пессимизм – в ряде случаев могут совпадать по результатам их воздействия на социального субъекта, «обрекая» его на пассивные формы социокультурного поведения и действия.

Таким образом, мы показали, что темпоральный нигилизм становится возможен при условии дифференцированной расчлененности потока времени, однако при этом он осуществляет отрицание одного из модусов времени. Нигилистическое отношение ко времени возможно в двух вариантах: как отрицание значимости одного из модусов времени и как навязчивое желание его возвращения или приближения в ущерб другим модусам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новиков А.И.* Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. Л., 1972.
2. *Мосиенко Л.И.* Нигилизм как фактор социокультурного развития: дисс. ...канд. филос. наук: Омск, 2003.
3. *Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна. СПб., 2004.
4. *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории Т.1. М., 1990.
5. *Штомпель Л.А.* Лики времени. Ростов н/Д, СПб.:, 1997.
6. *Зелинский А.Н.* Литургический круг христианского календаря // Календарь в культуре народов мира. М., 1993.
7. *Eliade M.* Myth and Reality. New York, 1963.
8. *Humboldt W.* Linguistic variability and intellectual development. Coral Gables, F. L., 1971.
9. *Линч К.* Образ времени. М., 1982.
10. *Манхейм К.* Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994.